
Ярослав Северцев
Осторожно.
Он дракон

Ярослав Северцев

Осторожно он Дракон

«Автор»
2026

Северцев Я.

Осторожно он Дракон / Я. Северцев — «Автор», 2026

Семнадцать попыток насильственной женитьбы за один месяц — такова цена славы героя бульварных романов. Чтобы спасти главнокомандующего от навязчивых невест, в дело вступает старший инспектор по надзору за межвидовыми браками. Её оружие — бюрократия, здравый смысл и полное равнодушие к «зову крови». Но за глупыми девичьими выходками скрывается чья-то опасная игра. И чтобы вывести кукловодов из тени, чиновнице и дракону придётся заключить сделку, в которой не предусмотрен пункт о чувствах.

© Северцев Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Семнадцатый оттенок озона 5
Глава 2. Приказная палата номер триста четыре 9
Глава 3. Курсы благородного падения 12
Глава 4. Изабелла с седыми усами 15
Глава 5. Пепел на кружевах и пыль на эполетах 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Ярослав Северцев
Осторожно он Дракон

Глава 1. Семнадцатый оттенок озона

«Он возник из теней, огромный, опасный, как сама ночь. Его скулы были настолько острыми, что об них можно было порезаться, а рубашка, вопреки январской вьюге, была расстегнута ровно на три пуговицы, открывая взору стальной пресс. От него пахло грозой, можжевельником и властью. „Моя!“ — прорычал он так, что зазвенели люстры, и прижал меня к холодной стене, глядя в душу расплавленным янтарем своих хищных глаз…»

— Изабелла де ла Круа, «В плену у ледяного зверя. Том 4» (тираж: пятьсот тысяч оттисков, одобрено Гильдией Свах).

Агата Кляйн, старший инспектор Третьего отдела Имперской Канцелярии по надзору за межвидовыми браками, захлопнула книжку в ярко-розовом переплете и потерла переносицу. От мелкого шрифта и концентрированной патоки у нее начиналась мигрень, не предусмотренная жалованьем коронного чиновника.

— И вы утверждаете, девица Пупкина, что всё произошло ровно так, как описано на сто сорок второй странице? — уточнила Агата, доставая из потертого кожаного саквояжа гербовый свиток для дознания и самопишущее зачарованное перо.

Осенний дождь мерно барабанил по брусчатке переулка за зданием Столичной Академии Магии. Место было выбрано безупречно: глухой тупик, две мусорные бадьи, художественно прикрытые иллюзорным плющом, и одна стена из белого известняка, к которой, собственно, и требовалось прижимать.

Девятнадцатилетняя адептка первого курса Селестина Пупкина стояла под черным зонтом городского стражника, кутаясь в мокрый плащ, и старательно изображала трепетную лань. Получалось плохо — мешали крепкий деревенский румянец и решительный подбородок, которым можно было колоть грецкие орехи.

— Он посмотрел на меня! — с придыханием выпалила Селестина, театрально прижав ладони к груди. — Прямо в душу! Его глаза вспыхнули расплавленным янтарем! И этот запах… О, светлые боги, от него пахло грозой, можжевельником и древней, необузданной властью! А потом он зарычал! Это же истинность, госпожа инспектор! Я с детства знала, что я не такая, как все! У меня даже правый глаз при свете полной луны отливает фиалковым!

Агата медленно перевела взгляд на второго участника происшествия.

Верховный главнокомандующий огненными легионами, владетель Пепельных пустошей и обладатель титула «Самый завидный жених империи по версии альманаха „Вестник Аристократки“» герцог Вальдемар Игнис фон Драко сидел на перевернутой бочке из-под квашеной капусты. Выглядел он так, словно его только что пропустили через прачечный каток, а затем заставили трое суток сводить дебет в Казенной палате перед визитом королевских ревизоров.

Белоснежная батистовая сорочка герцога действительно была расстегнута на три пуговицы. Правда, судя по оторванным ниткам и синему пятну на ключице, пуговицы эти вырвали с корнем примерно четверть часа назад, когда адептка бросилась ему на грудь с криком «Возьми меня, властный зверь!».

— У меня воспаление век, — глухо произнес герцог, глядя в лужу. Голос его звучал вовсе не как раскат грома, а как скрипучая телега человека, который три дня орал на плацу на новобранцев. — Обычное сезонное воспаление. От сырости и сквозняков. Поэтому белки глаз пожелтели. Никакого расплавленного янтаря.

— А гроза и можжевельник? — строго спросила Агата, делая пометку в графе «Особые приметы». — Девица настаивает на необузданной власти.

Вальдемар тяжело вздохнул, полез во внутренний карман парадного мундира и извлек оттуда помятый аптекарский пузырек темного стекла.

— Настойка «Хвойный лекарь» от ломоты в пояснице. Пролил на кружевной манжет перед выходом из штаба. А озоном от меня пахнет, потому что я полчаса назад чихнул в карете и случайно спалил бархатную обивку сиденья. Пришлось тушить разрядом бытовой молнии. Какая, к бездне, власть, инспектор? Я шел в аптекарскую лавку за мазью для спины!

— Вы всё лжете! — взвизгнула Селестина, мгновенно растеряв всю свою «трепетную лань». — Вы просто боитесь своих чувств! В романе «Сердце пепельного лорда» главный герой тоже сначала отрицал зов крови, называл героиню назойливой девчонкой, а потом увез ее в свой черный замок и подарил половину фамильных рудников! У меня и метка истинности есть! Вот!

Девушка сдернула мокрый плащ с левого плеча, обнажив ключицу. На бледной коже красовался витиеватый узор в виде крылатого ящера, обвивающего пылающее сердце.

Агата молча достала из саквояжа казенный артефакт — Искатель Истинности модели «Кристалл-4», прошедший поверку в Имперской палате мер и весов. Прибор представлял собой увесистую латунную рамку с мутным кварцем посередине и двумя медными стрелками. Инспектор поднесла рамку к плечу адептки.

Кристалл лениво моргнул тусклым зеленым светом, издал звук, подозрительно напоминающий чихание, и выплюнул узкую полоску пергамента с оттиском чернильного клейма.

Агата оторвала ленту, поднесла к свету уличного газового фонаря и зачитала вслух:

— Резонанс душ: ноль целых, ноль десятых доли. Магическая совместимость: отсутствует. Состав нанесенного узора: сажа печная, сок свеклы, клей столярный, слюна жабы болотной для придания благородного блеска. Срок годности метки истекает через сорок минут, после чего ожидается легкое шелушение кожи.

В переулке повисла тишина. Слышно было только, как дождевая вода стекает по жестяному водостоку.

— Слюна жабы? — переспросил герцог, брезгливо отодвигаясь на капустной бочке еще на поллоктя. — А я-то думал, почему мне так хочется вымыть руки с золой и щелоком…

— Меня обманули! — Селестина густо покраснела, но отступать не собиралась. — Ведьма на Сенном рынке клялась, что это эликсир древних! Я за него три золотых империала отдала! Стипендию за полгода! А Изабелла де ла Круа писала, что если сильно верить в свою исключительность и упасть в обморок прямо перед драконом, древняя магия сама проснется!

— Если упасть в обморок перед драконом на сырую брусчатку, проснется только костоправ, — сухо заметила Агата, заполняя долговую расписку. — Девица Пупкина, вам вменяется статья сто двенадцатая Уложения о благочинии: «Попытка подделки судьбоносной встречи, порча казенного обмундирования — в данном случае батистовой сорочки высшего командного состава — и незаконное применение бытовой алхимии в общественных местах». Взыскание — пятнадцать серебряных талеров. Внести в казну в течение десяти дней, иначе Канцелярия направит бумагу в ректорат, и вашу исключительность переведут на вольнослушательское отделение без содержания.

Селестина всхлипнула, выхватила расписку и, забыв про свой томный взгляд и фиалковый отлив правого глаза, припустила по переулку так, что пятки засверкали. Городской стражник, помявшись, отдал честь инспектору и потрусил следом — проверять торговую грамоту у рыночной ведьмы.

Агата убрала самопишущее перо, застегнула саквояж и посмотрела на сидящего на бочке повелителя огненных легионов. Тот сидел, сгорбившись, и задумчиво тер виски. Скулы у него

действительно были острыми — сказывалась хроническая нехватка сна и строгая овсяная диета, прописанная придворным лекарем от изжоги.

— Вы свободны, ваша светлость, — сказала Агата. — Можете застегнуть сорочку. Хотя бы на те пуговицы, которые уцелели.

— Бесполезно, — глухо отозвался Вальдемар. — На следующей улице меня уже наверняка поджидает какая-нибудь баронесса с подвернутой лодыжкой. Знаете, инспектор, сколько таких «истинных» на меня бросилось за последний месяц?

— Судя по нашим учетным книгам, вы сейчас оформляете семнадцатый отказ, — бесстрастно ответила Агата.

— Семнадцатый, — горько усмехнулся дракон, поднимаясь с бочки. Он был высоким, плечистым и в свете тусклого газового фонаря действительно напоминал гравюру с обложки. Только очень уставшую гравюру. — Две недели назад одна девица спряталась в моем платяном шкафу в Генеральном штабе. Выпрыгнула оттуда в одном кружевном корсете, запуталась в парадной портупее и погнула мне наградную шпагу. В прошлый вторник другая подсыпала мне в утренний отвар цикория слабительное снадобье, перепутав его с приворотным зельем, а потом три часа караулила под дверью отхожего места, чтобы «случайно столкнуться и утонуть в моих глазах». Я не могу спокойно пообедать, инспектор! Вчера в трактире служанка отказалась нести мне похлебку, пока я не прижму ее к стене и не прорычу, что она принадлежит только мне!

Агата сочувственно кивнула. По долгу службы она видела и не такое. На прошлой седмице ей пришлось разнимать двух графинь, которые подрались в книжной лавке за последний оттиск романа «Мой строптивый ящер», а потом пытались применить вычитанные приемы на местном трубочисте, приняв его сажу за «ауру темного властелина».

— Понимаю, ваша светлость. Поветрие любовного чтива в этом сезоне бьет все рекорды. Гильдия Свах и печатный двор «Розовый Пегас» наживают на этом целые состояния. Но я всего лишь чиновник. Моя задача — вносить нарушения в реестр и беречь родословные империи от сомнительных браков.

— Дело не только в книжках, инспектор Кляйн, — вдруг посерьезнел Вальдемар. Он подошел ближе, и Агата невольно отметила, что настойкой от ломоты в пояснице от него действительно несло за версту. — Посмотрите сюда.

Герцог нагнулся и поднял с мокрой брусчатки у самой мусорной бадьи крохотный хрустальный флакончик, который выронила сбежавшая адептка. Пузырек был пуст, но на его дне переливалась странная маслянистая жидкость цвета расплавленной меди.

— Это не жабья слюна и не свекольный сок, — тихо сказал дракон, принюхиваясь. Его зрачки на секунду действительно вытянулись в вертикальные щелочки, но не от страсти, а от боевой тревоги. — Это вытяжка огненного терновника, смешанная с пыльцой сонной омелы. Редчайшая военная алхимия. Если бы эта девица сумела втереть эту дрянь мне в кожу, когда рвала сорочку…

— И что бы случилось? — нахмурилась Агата, доставая из саквояжа серебряные щипчики и вощеную бумагу для вещественных доказательств.

— Моя драконья ипостась впала бы в беспробудную спячку на трое суток, а человеческая — потеряла бы память и волю, — мрачно ответил Вальдемар. — Меня можно было бы вести к алтарю хоть в мешке из-под репы, и я бы радостно кивал на все вопросы священника. И еще кое-что, инспектор. Я сегодня сменил маршрут за четверть часа до выезда из штаба. Об этом тупике не знал даже мой кучер. Откуда эта глупая девчонка знала, что я пойду именно здесь?

Агата аккуратно завернула флакончик в промасленную бумагу. Тихий вечер пятницы, который она планировала провести в компании шерстяного пледа, мятного взвара и сборника шарад, стремительно летел под откос.

— Значит так, ваша светлость, — вздохнула инспектор, доставая из саквояжа еще один свиток — на этот раз алый, для особо тяжких злодеяний. — Про «властного зверя» и «расплавленный янтарь» мы забудем. Завтра ровно в девять утра жду вас в Канцелярии, приказная палата номер триста четыре. Будем составлять челобитную о покушении на свободу и личную неприкосновенность высшего командного состава. И ради всех богов, наденьте глухой шерстяной камзол под самое горло. Если завтра в моей приемной из-за вашей голой груди упадет в обморок письмоводительница, я выпишу взыскание уже вам.

Вальдемар впервые за вечер криво усмехнулся. Усмешка вышла совсем не хищной — скорее, искренне благодарной.

— Договорились, инспектор Кляйн. Камзол. Суконный. Наглухо застегнутый.

— Вот и славно, — кивнула Агата, раскрывая зонт. — До завтра, герцог. И постарайтесь по дороге домой не прижимать никого к стенам. Даже случайно.

Глава 2. Приказная палата номер триста четыре

«Когда он вошел в залу, воздух словно наэлектризовался. Каждый его шаг отдавался в моем сердце тяжелым, властным гулом. Даже строгий военный мундир не мог скрыть хищную грацию зверя, привыкшего повелевать и брать свое без спросу. Наши взгляды встретились, и мир вокруг перестал существовать…»

— Графиня Элеонора фон Штольц, «Пепел на кружевах» (издательский дом «Розовый Пегас», тринадцатое переиздание).

Ровно без двух минут девять утра тяжелая дубовая дверь приказной палаты номер триста четыре приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова в строгом суконном картузе.

— Инспектор Кляйн? — шепотом осведомился Верховный главнокомандующий огненными легионами. — Письмоводительница на месте?

Агата, сидевшая за заваленным папками столом и пытавшаяся оттереть чернильное пятно с манжета блузки, подняла взгляд.

— Отослала в архив на цокольный этаж. На полтора часа. Заходите, ваша светлость, путь свободен.

Герцог Вальдемар Игнис фон Драко боком протиснулся в кабинет и с облегчением прикрыл за собой дверь. Выглядел он сегодня образцово: наглухо застегнутый до самого подбородка черный суконный камзол, строгие брюки и ни единого намека на «стальной пресс» или «опасную хищную грацию». Больше всего военачальник напоминал уставшего полкового интенданта, которому предстоят торги по закупке фуража.

— Благодарю, инспектор, — прохрипел Вальдемар, усаживаясь на скрипучий венский стул для посетителей. — Пока поднимался по вашей лестнице, дважды столкнулся с девицами из отдела регистрации. Одна выронила передо мной кипу гербовой бумаги, а когда я помог собрать, попыталась укусить меня за мизинец. Сказала, что проверяет, горячая ли у меня кровь. Пришлось соврать, что у меня подагра и в роду были одни саламандры.

— Подагра — это сильно, — одобрила Агата, пододвигая к себе чистый лист гербовой бумаги и макая перо в чернильницу. — Возьму на заметку для служебных инструкций. А теперь давайте к делу. Вчерашний флакончик я рано утром отнесла в нашу криминалистическую лабораторию. Заключение старого мага-алхимика уже у меня на столе.

Агата раскрыла серую папку с тесемками и нацепила на нос круглые очки в тонкой железной оправе.

— Итак. Ваш нос вас не подвел, ваша светлость. Внутри действительно была вытяжка огненного терновника и пыльца сонной омелы. Но есть нюанс. Эта смесь не просто усыпляет драконью суть. Она вступает в реакцию с так называемой «аурой истинности».

Вальдемар нахмурился, его острые скулы напряглись.

— У меня нет никакой «ауры истинности», инспектор. Я дракон, а не парфюмерная лавка. Моя истинная пара определяется раз в жизни по зову крови и магии, и за последние триста лет этого не случалось ни с кем из моего рода.

— Разумеется, — спокойно кивнула Агата. — Но алхимики-злоумышленники об этом, видимо, не знают, либо им на это плевать. Смесь из флакона при попадании на кожу вызывает резкий выброс феромонов, идентичных тем, что описаны в бульварных романах. Проще говоря, вы бы начали пахнуть грозой, можжевельником и жженым сахаром так сильно, что у любой женщины в радиусе ста шагов помутился бы рассудок. А заодно отключилась бы ваша критическая оценка реальности.

— То есть меня хотели насильно женить на этой… как ее… Пупкиной? — Герцог сжал кулаки так, что костяшки побелели. — Зачем? У нее за душой ни гроша, ни титула. Политического веса ноль.

— Вот здесь начинается самое интересное. — Агата выудила из папки еще один листок, исписанный мелким убористым почерком. — Я проверила личное дело адептки Селестины Пупкиной. Дочь мельника из далекой провинции. Учится на казенный счет. Никаких связей при дворе. Но три дня назад на ее имя в Столичный Ссудный Банк поступил перевод на пятьсот золотых империалов. Отправитель — некое «Общество поощрения изящной словесности».

— Никогда о таком не слышал, — пробормотал Вальдемар.

— Зато я слышала. — Агата сняла очки и постучала дужкой по столу. — Это благотворительный фонд при издательском доме «Розовый Пегас». Том самом, который печатает «В плену у ледяного зверя» и прочую макулатуру про властных ящеров.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая только тиканьем настенных ходиков.

— Погодите, — медленно произнес герцог, подаваясь вперед. — Вы хотите сказать, что книгопечатники наняли деревенскую девчонку, снабдили ее боевой алхимией и подстроили наше столкновение в тупике? Ради чего?

— Ради тиражей, ваша светлость, — сухо ответила Агата. — Подумайте сами. Продажи любовных романов в последнее время начали падать — читательницы пресытились. Им нужны свежие истории, основанные на «реальных событиях». Представьте завтрашние заголовки столичных газет: *«Сенсация! Грозный герцог фон Драко обрел истинную пару в лице простой девушки-адептки! Все подробности их страстной встречи в переулке читайте в новом романе Изабеллы де ла Круа!»* Пока вы три дня приходили бы в себя под действием сонной омелы, вас бы обвенчали, сфотографировали для светской хроники, а издатели продали бы миллион оттисков за одну седмицу. После чего брак можно было бы тихо расторгнуть по причине «несовместимости магических контуров», а девица получила бы свои отступные и уехала обратно на мельницу.

Вальдемар откинулся на спинку стула и уставился в потолок. Его кадык дернулся.

— Меня… хотели использовать как рекламную вывеску для бульварного романа? — тихо переспросил он. — Меня, героя битвы при Огненном Броде? Кавалера ордена Черного Пламени?

— Именно, — подтвердила Агата. — И, судя по тому, что на вас за последний месяц напали семнадцать раз, до этого работали любители-одиночки, начитавшиеся книжек. А теперь за дело взялись профессионалы с большим капиталом. И у них есть свой человек в вашем штабе, раз они знали ваш вчерашний маршрут.

Дверь кабинета распахнулась без стука. На пороге стояла письмоводительница Лидочка — румяная девица с огромным бантом на затылке и кипой папок в руках.

— Госпожа инспектор, я принесла реестр за прошлый… — начала она, но осеклась, увидев герцога.

Агата посмотрела на часы. Из полутора часов, отведенных на поиски в архиве, прошло всего двадцать минут. Вот что значит служебное рвение.

Папки с грохотом посыпались на паркет. Лидочка прижала руки к щекам, ее глаза расширились.

— О, боги… — прошептала она, глядя на наглухо застегнутый суконный камзол. — Этот строгий силуэт… Эта сдержанная, мучительная страсть, запертая под черным сукном… Вы ведь пришли за мной, да? Я знала! Я видела сон, где меня уносит черный ящер!

Лидочка закатила глаза и начала медленно заваливаться набок, целясь ровно в сторону герцога.

Вальдемар с поразительной для его габаритов скоростью вскочил со стула и отпрыгнул к окну, вжавшись в подоконник. Лидочка, не встретив «сильных, надежных рук, подхвативших ее трепетное тело», с глухим стуком рухнула на ковер, задев головой ножку стола.

Агата тяжело вздохнула, достала из нижнего ящика стола пузырек с нашатырным спиртом и посмотрела на прижавшегося к окну полководца.

— Свитер с оленями, ваша светлость, — устало произнесла инспектор. — В следующий раз надевайте только свитер с оленями. Суконный камзол, как выяснилось, будит в них фантазию о «сдержанной мучительной страсти».

Глава 3. Курсы благородного падения

«Истинная леди никогда не падает в грязь лицом. Она падает исключительно в сильные, мускулистые объятия крылатого властелина, предварительно убедившись, что подол ее платья живописно раскинулся по брусчатке, а локоны небрежно рассыпались по плечам…»

— Мадам де Флер, «Азбука драконьего обольщения. Пособие для юных дев» (издано на средства неизвестного благотворителя).

Сенной рынок в субботу после полудня гудел, как растревоженный улей. Здесь торговали всем: от моченых яблок и пуховых платков до сомнительных амулетов «от сглаза ревизора» и сушеных летучих мышей.

Агата Кляйн уверенно лавировала между телегами, прижимая к боку свой верный кожаный саквояж. Следом за ней, стараясь втянуть голову в плечи, шел высокий мужчина в поношенном тулупе из овчины, валенках и надвинутом на самые глаза треухе. В руках он сжимал берестяной туесок с квашеной капустой, призванный завершить образ провинциального купца-бакалейщика.

— Ваша светлость, перестаньте рычать на разносчиков пирогов, — вполголоса бросила Агата через плечо. — Вы распугаете мне всю агентуру.

— Этот негодяй наступил мне на ногу и сказал, что от меня пахнет, как от его старого козла, — глухо проворчал из-под треуха герцог Вальдемар Игнис фон Драко. — Я сжег три вражеских флота при Огненном Броде, инспектор! Меня боятся короли соседних держав!

— А здесь вы купец Иван из-под Твери, у которого ломит поясницу и скисла капуста, — отрезала Агата, сворачивая в узкий проход между скобяными лавками. — И ради всех богов, сгорбитесь немного. Ваша «королевская осанка» торчит из-под тулупа, как флагшток над ратушей.

Показания сбежавшей вчера студентки Селестины, которую утренний патруль все-таки отловил у ворот общежития и заставил дать подробные объяснения в обмен на отсрочку штрафа, привели их именно сюда. В дальний угол рынка, к неприметной деревянной двери с вывеской «Мастерская кружев и бальных принадлежностей мадам Жозефины».

Агата толкнула дверь. Колокольчик над косяком мелодично звякнул, и героев обдало удушливым облаком розовой воды, пудры и жженого сахара.

Помещение оказалось вовсе не швейной мастерской. Это была просторная зала, затянутая дешевым малиновым бархатом. Вдоль стен стояли манекены, облаченные в высокие сапоги и плащи, до боли напоминающие форму офицеров огненных легионов. На головах у манекенов красовались грубо вырезанные из картона драконьи рога.

Посреди залы на пушистом ковре толпились около двух десятков девиц разного возраста и комплекции — от юных институток до вполне зрелых вдов купцов первой гильдии. Руководила парадом дородная дама в тюрбане с павлиньим пером и с лорнетом на золотой цепочке.

— И раз, два, три! Подвернули лодыжку! — командовала дама, отбивая ритм веером. — Графиня Толстопятова, ну куда вы рухнули, как мешок с овсом?! Вы же нежная фиалка, а не гренадер! Ручку на лоб, глазки закатить, губки приоткрыть в безмолвном стоне! Вы должны падать так, чтобы у дракона взыграл инстинкт хищника, а не желание вызвать золотаря!

Агата и замаскированный герцог замерли у порога. Вальдемар медленно повернул голову к инспектору. Из-под треуха его глаза сверкнули самым настоящим, невыдуманным янтарем.

— Что это за шабаш? — прошипел он так тихо, что у Агаты задрожали стекла в очках.

— Подпольные курсы повышения брачной квалификации, — шепотом ответила инспектор, с профессиональным интересом оглядывая зал. — Смотрите, вон в углу прилавок с зельями. А вот и наша знакомая.

За этим прилавком действительно восседала сухонькая старушка в шали, перед которой ровными рядами стояли крохотные хрустальные флакончики, переливающиеся цветом расплавленной меди. Точно такие же, как тот, что вчера выронила Селестина.

Агата поправила очки, достала из кармана саквояжа медный жетон Имперской Канцелярии и решительно шагнула вперед.

— Добрый день, сударыни! — звонко произнесла она, перекрывая всхлипы графини Толстопятовой, безуспешно пытавшейся изобразить безмолвный стон. — Имперский надзор за межвидовыми браками и санитарная инспекция! Прошу всех оставаться на своих местах, документы и алхимические рецепты — на стол!

В зале повисла мертвая тишина. Павлинье перо на тюрбане мадам Жозефины жалобно дрогнуло.

— К-какая еще инспекция? — заикаясь, спросила распорядительница курсов, пятясь к задней двери. — Мы тут… мы тут благотворительный кружок! Учим девиц хорошим манерам и правилам поведения при пожаре!

— При пожаре, значит? — Агата подошла к прилавку со снадобьями и взяла один из флакончиков. — И много нынче пожаров тушат вытяжкой огненного терновника с примесью сонной омелы? А ну-ка, бабуля, предъявите патент на торговлю боевой алхимией!

Сухонькая старушка за прилавком вдруг проявила поразительную для своих лет прыть. Она с визгом опрокинула лоток с пузырьками, нырнула под стол и бросилась к черному ходу, по пути сбив с ног манекен в офицерском плаще.

— Держи ее! — крикнула Агата.

Но команды уже не требовалось. Сорвав с головы мешавшую обзору треуху, герцог Вальдемар Игнис фон Драко в два огромных прыжка пересек залу. Полы овчинного тулупа разлетелись в стороны, как крылья. Старушка уже схватилась за ручку двери, когда тяжелая рука полководца ухватила ее за шиворот и легко приподняла над полом, словно нашкодившего кота.

— Пусти, ирод! — заголосила бабка, болтая в воздухе валенками. — Убивают! Грабеж средь бела дня!

Вальдемар поднес пойманную торговку к самому лицу и тихо, без всякого пафоса, но так, что у половины слушательниц в зале подкосились колени, спросил:

— Откуда у тебя армейская сонная омела, старая? И кто заплатил тебе за то, чтобы ты подсунула этот пузырек вчерашней дурочке с указанием моего маршрута?

Бабка мгновенно перестала кричать. Она вгляделась в лицо герцога, побледнела, как свежевыбеленный холст, и перекрестилась.

— Свят, свят… Сам фон Драко… Ваша светлость, не губите! Я человек подневольный! Мне вчера утром посыльный принес целый ларец этих склянок и кошель серебра! Сказал, дескать, если придет девица с фамилией Пупкина — сунуть ей в придачу к краске для метки этот пузырек и шепнуть, в каком переулке герцог вечером пойдет!

— Как выглядел посыльный? — Агата уже стояла рядом с раскрытым блокнотом и самопишущим пером наготове.

— Да обычный такой… в сером плаще, лицо капюшоном закрыто, — зачастила старуха. — Только от него пахло… ну, знаете, как в больших книжных лавках пахнет — свежей типографской краской и сургучом! И еще он обронил, что к понедельнику главный редактор ждет от него «сенсацию, которая взорвет столицу», а то их главный спонсор из Военного министерства головы им всем пооткручивает!

Агата и Вальдемар переглянулись.

— Спонсор из Военного министерства? — медленно переспросил герцог, опуская старушку на пол, но не выпуская ее воротника. — Стало быть, мою свадьбу спонсируют не только книгопечатники, но и кто-то из моих собственных заместителей, желающий сместить меня с поста главнокомандующего?

— Похоже на то, ваша светлость, — вздохнула Агата, аккуратно складывая уцелевшие флаконы в саквояж. — Женитьба на бесприданнице с поддельной меткой — отличный повод для Совета лордов признать вас «впавшим в любовное безумие» и отстранить от командования легионами. Изящно. И тиражи растут, и кресло освобождается.

В этот момент из угла залы раздался робкий всхлип. Графиня Толстопятова, всё это время сидевшая на полу возле опрокинутого манекена, смотрела на герцога влажными, полными обожания глазами.

— Божечки… — прошептала она, прижимая пухлые ладошки к щекам. — Он в овчинном тулупе… такой дикий, необузданный… Пахнет квашеной капустой и властью… Мадам Жозефина, запишите меня на индивидуальные занятия! Я хочу, чтобы меня так же взяли за шиворот!

Вальдемар закрыл глаза, глубоко вдохнул и медленно выдохнул, выпустив из ноздрей две тонкие струйки серого дыма.

— Инспектор Кляйн, — глухо произнес он. — Если мы не закончим это расследование к среде, я подам в отставку и уеду в деревню. Разводить пчел. Они хотя бы не читают романов.

Глава 4. Изабелла с седыми усами

«Ее пальцы, тонкие, словно лепестки белой лилии, скользили по пергаменту, выводя строки, полные огня и невысказанной тоски. Лишь истинная женщина, чье сердце изранено ветрами страсти, способна так глубоко постичь загадочную душу крылатого властелина…»

— Предисловие к юбилейному изданию романа «Мой строптивый ящер», издательский дом «Розовый Пегас».

Типография и контора издательского дома «Розовый Пегас» занимали трехэтажный особняк на Бумажной набережной. Снаружи здание выглядело вполне респектабельно, если не считать гигантского позолоченного барельефа на фронтоне, изображающего крылатого коня, который томно закатил глаза и прижал копыто к груди.

Агата Кляйн, держа под мышкой толстую папку с ордером на обыск, подписанным самим главой Имперской Канцелярии, уверенно толкнула резную дубовую дверь. Следом вошел герцог Вальдемар Игнис фон Драко. От овчинного тулупа и запаха квашеной капусты он, к счастью, избавился, сменив их на глухой дорожный плащ с высоким воротником и надвинутую на лоб широкополую шляпу, делавшую его похожим на инквизитора в отставке.

— Помните уговор, ваша светлость, — вполголоса предупредила Агата, поднимаясь по устланной малиновым ковром лестнице. — Никакого рычания. Вы — мой младший помощник, писарь третьего разряда. И не снимайте шляпу, иначе нам придется выносить отсюда в обмороке весь наборный цех.

— Я нем как рыба, инспектор, — глухо отозвался из-под полей шляпы полководец. — Хотя, признаться, у меня страшно чешутся руки сжечь здесь пару-тройку рукописей. Для профилактики.

Приемная главного редактора встречала посетителей портретами знаменитых авторов в золоченых рамах. На самом почетном месте висело огромное полотно: юная златокудрая дева в полупрозрачном кисейном платье сидела у распахнутого окна, прижимая к губам лебяжье перо. Подпись гласила: *«Несравненная Изабелла де ла Круа, королева сердец и повелительница грез»*.

Секретарь, тощий юноша с заложенным за ухо карандашом, даже не поднял головы от конторской книги, когда вошли визитеры.

— Прием по личным вопросам по четвергам. Рукописи от начинающих графоманов принимаем в окошке во дворе. Если вы принесли поэму о любви русалки и минотавра — сразу в печь, на этой седмице уже три таких приносили.

Агата молча положила на край стола гербовый свиток с алой сургучной печатью. Юноша скосил взгляд на королевский вензель, побледнел и мгновенно вытянулся по струнке.

— И-имперская Канцелярия? Господин Пфунд у себя, но он… он сейчас занят. У него творческий кризис и приступ подагры.

Не дожидаясь приглашения, Агата распахнула обитую зеленым сукном дверь кабинета.

В просторной комнате, заваленной кипами гранок, пустыми кружками из-под пива и обертками от дешевых мятных лепешек, за огромным письменным столом сидел пожилой мужчина. На нем был засаленный байковый халат, на носу криво сидели очки с треснувшим стеклом, а густые седые усы были испачканы чернилами. Мужчина яростно строчил гусиным пером по листу бумаги, бормоча себе под нос:

— «И тогда его горячие ладони скользнули по ее трепещущей талии… Тьфу, нет, пошловато… Скользнули по ее алебастровой спине, заставляя каждую клеточку ее девичьего тела петь гимн первобытному восторгу…» Где, черт возьми, этот чертов табак?!

— Добрый день, господин Пфунд, — звонко произнесла Агата, останавливаясь посреди кабинета. — Или мне лучше называть вас несравненной Изабеллой де ла Круа?

Седоусый мужчина вздрогнул, выронил перо и уставился на вошедших поверх треснувших очков.

— К-кто такие? Как вы сюда прошли? Ганс, я же велел никого не пускать!

— Ганс занят изучением уголовного уложения. — Агата предъявила медный жетон и положила на стол ордер. — Старший инспектор Кляйн, надзор за межвидовыми браками. И мой… э-э… помощник. Мы проводим дознание по факту незаконного оборота боевой алхимии и организации подставных помолвок с участием высших сановников империи.

Господин Пфунд сглотнул, покосился на мрачную фигуру в широкополой шляпе, застывшую у дверей, и обреченно махнул рукой.

— Ладно, поймали. Только ради всех богов, не говорите моей жене, что я пишу про «трепещущие талии». Она думает, что я по ночам составляю справочник по разведению речного рака. У меня три дочери на выданье, сударь и сударыня! За старшую нужно отдать приданое, за среднюю — заплатить за пансион, а младшая требует новое фортепиано! Вы знаете, сколько нынче стоит настройка фортепиано?! А за справочник по ракам платят три медяка за лист!

Вальдемар под полями шляпы издал странный звук, подозрительно напоминающий сдавленное хрюканье. Агата бросила на него быстрый предупреждающий взгляд и повернулась обратно к «королеве сердец».

— Ваши семейные расходы, господин Пфунд, нас интересуют во вторую очередь, — строго сказала инспектор. — Объясните лучше, откуда на счетах вашего благотворительного фонда «Общество поощрения изящной словесности» взялись деньги на подкуп адептки Селестины Пупкиной? И кто снабдил вашего посыльного военной вытяжкой огненного терновника?

Издатель заерзал в кресле, нервно теребя седой ус.

— Я тут ни при чем! Клянусь здоровьем тещи! Я всего лишь наемный писака и главный редактор! Издательство принадлежит не мне, а акционерному обществу «Золотое Руно». Я только тексты строчу по заданию владельцев.

— И какое же задание вы получили на этой седмице? — подал голос Вальдемар. Голос прозвучал низко и хрипло — без всякой актерской игры, от чистой ярости.

Пфунд вздрогнул, вжался в спинку кресла и зачастил:

— В понедельник утром ко мне зашел управляющий фондом. Сказал, что главный пайщик требует к воскресенью подготовить экстренный выпуск альманаха. Мол, нужно срочно расписать в красках «внезапную и всепоглощающую страсть Верховного главнокомандующего герцога фон Драко к простой девушке из народа». Я еще удивился: откуда, мол, я возьму подробности, если герцог на балы не ходит и девиц на дух не переносит? А управляющий ухмыльнулся и говорит: «Не переживай, старик, к вечеру пятницы он сам влюбится так, что в штабе все диву дадутся. А ты только успевай записывать и в печать отдавать».

— Имя управляющего и адрес конторы фонда, — потребовала Агата, доставая блокнот.

— Управляющего зовут господин Шмульке, он сидит в соседнем крыле, но его с утра нет — уехал на встречу с тем самым главным пайщиком! — выпалил писатель. — А вот переписка вся у него в столе! Я точно знаю, он все расписки в нижнем ящике хранит, под двойным дном! Только не губите, госпожа инспектор! Я же чистую правду выложил!

Агата кивнула своему «младшему писарю». Вальдемар молча шагнул к двери, ведущей в соседнее крыло. Замок жалобно хрустнул под его ладонью, и дубовая створка распахнулась.

В кабинете управляющего Шмульке царил идеальный порядок. Никаких черновиков и оберток от лепешек — только массивный сейф, письменный стол красного дерева и строгие бухгалтерские гроссбухи.

Герцог без лишних церемоний дернул за ручку нижнего ящика. Дерево треснуло, замок вылетел с корнем. Вальдемар поддел ножом ложное дно и извлек пачку перевязанных бечевкой писем на плотной гербовой бумаге с золотым тиснением.

Агата нацепила очки, развернула верхний лист и пробежала глазами строчки. Чем дальше она читала, тем выше поднимались ее брови.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил дракон, заглядывая ей через плечо. — Кто из моих генералов решил меня женить? Барон фон Клякс? Или старый интриган генерал-майор Дымоход?

— Ни тот, ни другой, ваша светлость, — медленно произнесла Агата, переворачивая лист обратной стороной, где красовалась личная печать заказчика. — Заказчиком «любовного безумия» Верховного главнокомандующего выступает… сама Великая Княжна Августа, двоюродная сестра императора.

Вальдемар замер. Даже шляпа на его голове, казалось, накренилась от удивления.

— Тетушка Августа?! Но зачем ей это?! Она же старая дева, которая терпеть не может драконов и считает, что мы портим климат в столице!

— Судя по тексту письма, — сухо ответила Агата, — ее высочество собирается через две седмицы протащить через Государственный Совет закон о передаче командования огненными легионами ее любимому племяннику, графу фон Штольцу. Тому самому, чья супруга, кстати, пишет любовные романы под своим настоящим именем и печатается здесь же, в «Розовом Пегасе». Семейный подряд, ваша светлость. Одни создают скандал, другие его описывают, третьи делят военный бюджет.

Вальдемар медленно снял шляпу, провел рукой по темным волосам и посмотрел на портрет «несравненной Изабеллы», висевший на стене в приемной за открытой дверью.

Агата покосилась на его неприкрытую голову, но промолчала. Похоже, герцог от потрясения напрочь забыл о маскировке.

— Знаете, инспектор, — тихо сказал он, и в его глазах впервые за все время их знакомства блеснул нехороший, по-настоящему драконий огонек. — Пожалуй, я передумал насчет разведения пчел. Раз уж ее высочество так жаждет увидеть в столичных газетах историю о моей «необузданной страсти»… мы ей эту историю устроим. Только сценарий напишем сами.

Глава 5. Пепел на кружевах и пыль на эполетах

«Его замок возвышался над утесом, мрачный и неприступный, словно его собственное ледяное сердце. В каждой зале горели факелы, отбрасывая причудливые тени на гобелены, а воздух был пропитан ароматом дорогих сигар, старого пергамента и невысказанных тайн…»

— Графиня Элеонора фон Штольц, «Пепел на кружевах», глава седьмая.

Особняк графа фон Штольца на Дворцовой набережной вовсе не возвышался над мрачным утесом. Это был трехэтажный дом из желтого кирпича с облупившейся лепниной, тремя пузатыми амурами над парадным крыльцом и вывеской «Приемная Его Сиятельства» у бокового входа, где в очереди толпились два полковых поставщика овса и один настройщик клавесинов.

Агата Кляйн поправила строгую шляпку с вуалью, перехватила поудобнее свой потертый саквояж и покосилась на идущего рядом герцога.

Вальдемар Игнис фон Драко сегодня решил не маскироваться под купца или писаря. На нем был парадный мундир Верховного главнокомандующего — черный, шитый золотом, с тяжелыми эполетами и наградной шпагой у бедра. Правда, под мундиром, по настоянию Агаты, все же скрывалась толстая шерстяная фуфайка с высоким воротом, наглухо закрывавшая шею.

— Напоминаю протокол, ваша светлость, — тихо произнесла инспектор, поднимаясь по мраморным ступеням. — Мы пришли с плановой ревизией условий хранения наградного оружия и проверкой брачного контракта графа на предмет соответствия Уложению о межвидовых союзах. Я задаю вопросы, вы сохраняете ледяное спокойствие. Никакого дыма из ноздрей.

— Я спокоен как удав после сытного обеда, инспектор, — процедил сквозь зубы герцог. — Особенно учитывая, что граф фон Штольц в прошлом месяце просил у меня отпуск по причине «хронической немощи после контузии», а сам, как выясняется, в это время делил с тетушкой Августой мой военный бюджет.

Швейцар в ливрее с галунами, едва завидев на пороге самого командующего огненными легионами, вытянулся так, что едва не проглотил собственную трость, и без лишних вопросов распахнул двери в малую гостиную.

Комната была обставлена в полном соответствии со вкусами читательниц издательства «Розовый Пегас»: розовые шелковые обои, кушетки с изогнутыми ножками, дюжина фарфоровых пастушек на каминной полке и густой, удушливый аромат лилий, от которого у Вальдемара тут же зачесалось в носу.

Навстречу гостям с кушетки поднялась хозяйка дома — графиня Элеонора фон Штольц. Вопреки ожиданиям Агаты, «королева любовной прозы» оказалась не воздушной нимфой, а крупной, костистой дамой лет сорока с волевым подбородком, напудренным носом и чепцом, украшенным таким количеством искусственных роз, что на нем вполне мог бы свить гнездо аист.

— Герцог фон Драко! Какая неожиданная честь! — запела графиня, приседая в глубоком реверансе, от которого затрещал китовый ус в корсете. — А это, полагаю, ваша… спутница?

— Старший инспектор Имперской Канцелярии Кляйн, — сухо представилась Агата, предъявляя медный жетон. — Мы прибыли по долгу службы, ваше сиятельство. Нам необходимо переговорить с вашим супругом, а заодно осмотреть ваш домашний архив.

Улыбка на лице графини на мгновение дрогнула, но она тут же взяла себя в руки и трагически взмахнула кружевным платком.

— Ах, увы! Мой бедный Отто сейчас в кабинете, он страшно страдает от мигрени! Старые боевые раны, знаете ли… Но вы проходите, проходите! Я как раз работаю над новой главой своего романа. Возможно, присутствие истинного крылатого властелина вдохновит меня на пару… э-э… трепетных сцен!

Она бросила на Вальдемара томный взгляд из-под насурмленных бровей. Герцог мелко вздрогнул и инстинктивно сделал шаг за спину Агаты, прикрывшись хрупкой фигурой чиновницы, как осадным щитом.

Дверь в смежный кабинет графа была приоткрыта. Агата, не дожидаясь приглашения, решительно толкнула ее и вошла внутрь.

За массивным письменным столом, заваленным не военными картами, а стопками розовых книжек и счетами из модных лавок, сидел сам граф Отто фон Штольц — невысокий, пухлый мужчина с жидкими бакенбардами и подвязанной белым платком щекой. Перед ним стоял серебряный поднос, на котором красовалась батарея крохотных хрустальных флаконч
иков с маслянистой жидкостью цвета расплавленной меди. Точно таких же, как те, что они обнаружили накануне у мадам Жозефины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.